

УДК 32.001:06
ББК 66
К 126

КАВКАЗ-2008. Ежегодник Института Кавказа. — Ер.: Институт Кавказа, 2010. — 211 с.

К 126 Шестой выпуск Ежегодника посвящен итогам 2008 г. на Кавказе. В основу сборника легли доклады, сделанные учеными из Азербайджана, Армении, Грузии, Турции, России и США на Ежегодной конференции Института Кавказа в апреле 2009 г. Статьи сборника посвящены различным аспектам жизни Южного и Северного Кавказа в 2008 г.; в них отражена общая динамика политических и социально-экономических процессов на Кавказе, описано положение в сфере региональной безопасности, проанализированы перспективы урегулирования конфликтов.

Редактор: **Александр Искандарян**

Редколлегия: **Нина Искандарян, Сергей Минасян**

Дизайн обложки: студия «*Matit*» / www.matit.am

Географические карты и верстка: студия «*Коллаж*» / www.collage.am

The Caucasus 2008. CI Yearbook. — Yerevan, CI, 2010. — 211 p.

The sixth CI Yearbook sums up year 2008 in the Caucasus based on talks given at the Yearly CI conference in April 2009 by scholars coming from Armenia, Azerbaijan, Georgia, Turkey, Russia and the US. The volume includes analytical papers dealing with various aspects of life in the Southern and Northern Caucasus in 2008. The papers reveal the overall trends in the politics, economics and societies of the Caucasus, outline the situation in regional security, and analyze prospects for conflict resolution.

Edited by **Alexander Iskandaryan**

Copy editing by **Nina Iskandaryan** and **Sergey Minasyan**

Cover design by **Matit** / www.matit.am

Maps and text layout by **Collage** / www.collage.am

ISBN 978-99941-2-364-2

ББК 66

© Институт Кавказа, 2010 г.

© 2010 by Caucasus Institute

Издание опубликовано при поддержке Европейского Союза, Швейцарского агентства развития и сотрудничества и Фонда Генриха Бёлля.

The publication of this volume was made possible by the support of the European Union, Swiss Development and Cooperation Agency and the Heinrich Böll Foundation.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: СИТУАЦИЯ ПО СОСТОЯНИЮ НА 2008 Г.

Сергей Арутюнов

Должен сказать, что уже 25 лет я являюсь заведующим отделом Кавказа Института этнологии и антропологии Российской Академии наук, и если до 1990 г. в нашем исследовательском плане преобладали собственно этнологические, этнографические, академические вопросы, то в последующие 20 лет все больше и больше приходилось сползать в сторону мониторинга этнополитических отношений. Это неприятно, но это — реальность. И этот мониторинг может вестись разными способами, но для этнографа основными методами являются наблюдение, включенное наблюдение и интервью. Эти методы, собственно говоря, мы и используем, но должен сказать, что работать становится труднее, потому что и включенное наблюдение становится затрудненным, и собственно наблюдение сейчас дает поверхностные впечатления. Путем наблюдения трудно проникнуть в глубинные отношения, и информантов находить стало труднее, люди менее охотно говорят, менее охотно идут на интервью, и так далее. Мы постараемся преодолеть эти трудности, но они существуют, и они нарастают.

Северный Кавказ занимает особое место в социально-политической и экономической системе Российской Федерации. Российская Федерация управляется не премьером Путиным, не президентом Медведевым, у которых могут быть очень хорошие намерения и им кажется иногда, что они эти намерения реализуют, но на самом деле эта реализация чаще всего, по мере того как проходит вниз по вертикали власти, разбавляется, сбавляется и в общем доходит до нулевой концентрации. Российская Федерация управляется тем, что неправильно называют элитой, потому что элита Российской Федерации — это я и другие подобные мне, точно так же, как элита Грузии, элита Армении и элиты более маленьких государств и территорий состоят прежде всего из их творческой интеллигенции, из их ученых, из их художников, из их писателей и так далее, и так далее. Некоторые публицисты, например, Гурия Мур-

линская в Дагестане, употребляют термин «антиэлита», что тоже, по-моему, не очень инструментально. Вообще-то принято употреблять термин «правящая клика» или «эксплуататорская верхушка», во всяком случае, по марксистской привычке — я все-таки, наверное, кончил марксистскую школу и иначе мыслить не могу. Если не нравится «правящая клика» или «эксплуататорская верхушка», можно употребить нейтральное слово «истэблшмент». Российская Федерация управляется ее корпоративным истэблшментом. Я не буду сейчас анализировать составные части этого истэблшмента, более или менее всем ясно. Истэблшмент центра использует Северный Кавказ в своих интересах, опираясь на местные истэблшменты республик и регионов.

Я оставляю за пределами рассмотрения такой не очень выразительный регион, как Ставропольский край, который имеет свой интерес, свою специфику, но мало значит, и оставляю за пределами рассмотрения Краснодарский край. Это огромный регион, очень интересный по своему этническому составу, по своим социальным группировкам и ориентациям, которые сейчас приобретают особое значение. Недавно состоялись очень важные, на мой взгляд, выборы мэра Сочи. Малопродуктивная, малопродуманная идея организации зимней Олимпиады в субтропическом городе с самого начала выглядела не совсем умной, ну а в условиях разразившегося экономического кризиса, который тогда, когда в Гватемале принималось это решение, еще ни кем не просматривался, она стала совсем абсурдной. Тем не менее, очевидно, этот процесс будет идти, и неважно, чем он кончится — важен процесс. А этот процесс дает Краснодарскому краю и регионам Сочи, и всем прилегающим территориям, даже Абхазии, особые позиции, диктует в них особые экономические и социальные процессы и изменения, и так далее, и так далее.

Поэтому я ограничусь только национальными республиками Северного Кавказа. Там есть везде своя мощная теневая экономика. Там есть везде своя натуральная экономика, благодаря которой, собственно говоря, эти регионы и живут, поскольку они все-таки пищевыми продуктами сами себя более или менее обеспечивают, хотя и меньше, чем могли бы, и даже реализуют некоторые продукты сельского хозяйства на рынке более широком, чем собственно северокавказский. Но для общероссийского истэблшмента важно

не это — важно то, что это дотационный регион в целом, и это всех устраивает — и местный истеблишмент, и центральный истеблишмент. Механизм достаточно простой: большая часть налогов, собираемых в регионе (вообще-то полагается не больше 50%, но сейчас уже и 60 и 70%), идет в центр. Это неважно, потому что собирается очень мало, эти регионы очень мало могут дать. Дотаций из центра гораздо больше, и это важнее. Пока дотация из центра доходит до места назначения, кое-что от нее откусывается, но дело даже не в том, что от нее откусывается, а в том, что когда она приходит по назначению, часть ее идет обратно в центр в виде отката, а другая часть распиливается. Из того, что распилено, некоторые опилки и стружки попадают в низовые слои населения, поскольку среди низовых слоев населения много родственников и много клиентов — это clientela тех людей, которые входят в истеблишмент. Происходит какая-то подпитка, какое-то распределение, и т.д. Это устраивает всех, даже низовую часть населения, которая находится ниже, чем низший уровень среднего класса.

Конечно, имеется колоссальная разница между официальными доходами различных слоев населения, по которым Северный Кавказ — один из беднейших регионов России, и тем, что мы реально можем видеть своими глазами. Реально это один из богатейших регионов России, потому что так хорошо, как живет северокавказский сельский житель, ни один сельский житель Центральной России, а тем более Якутии и Бурятии, не живет. Так что центральным вопросом становится: как функционирует местный истеблишмент? Вот это самое важное: насколько он консолидирован, или насколько велик в нем внутри разрыв.

Как обычно, пойдем слева направо, с запада на восток. В *Адыгее*, в общем, все в порядке. Тхакушинов — президент, а власть в основном принадлежит адыгам, в милиции в основном адыги. Краснодарский край хотел бы поглотить Адыгею по многим причинам — хотя бы для того, чтобы расширять Краснодар через мост. Построили прекрасный мост, с одной стороны — огромный город, с другой — Адыгея, а это уже не Краснодар и мореходство там нельзя вести. В 1985 г. поднимался вопрос о присоединении этих кусочков Адыгеи к Краснодарскому краю, но мне удалось, как эксперту, заставить их бросить эту идею, и после этого к ней не возвращались. Отношения между Краснодарским краем и Адыгеей более или ме-

нее нормальные, в том, что касается интересов истэблшмента. Адыгский истэблшмент не вызывает протеста среди русской части населения, которая социально стоит ниже, но находит общий язык с адыгейцами, притом что они составляют значительное меньшинство – где-то 25% населения республики.

Гораздо хуже обстоит дело в *Карачаево-Черкесии*. Там истэблшмент не консолидировался. Там имеются этнические интересы карачаевцев, которые, в общем-то, осуществляют *Karachai power*, черкесов, которые раньше осуществляли *Cherkessian power*, но сейчас они ее потеряли, и хотя сохраняют экономические позиции, все же чувствуют себя ущемленными. Есть русские, которые как-то балансируют между этими двумя центрами силы – угасающим черкесским и бурно поднимающимся карачаевским, и пытаются себе тоже выкроить какие-то куски общего пирога. Еще там есть абазины и ногайцы, которые бегают кругом и какие-то крошки этого пирога стараются тоже ухватить и к себе переташить, но их мало: 23 000 абазин, 12 000 ногайцев. Идет раздрай, тащат в разные стороны, истэблшмент не консолидирован. Это уменьшает количество и качество тех стружек и опилок, которые в результате распила бюджета и трансфертов из центра падают вниз и доходят до народа, и народ этим недоволен. Разные части народа недовольны по-разному. Имеется недовольство и беспокойство и у федерального центра, или высшего истэблшмента Российской Федерации, поскольку из-за неконсолидированности местной элиты откат получается меньше. Центральный истэблшмент заинтересован в том, чтобы местная элита была консолидированной – тогда откат будет больше, и пилить они будут аккуратней, все будет хорошо.

Вот такая ситуация, близкая к идеальной, имеется рядом - в *Кабардино-Балкарии*. Там, конечно, *Kabardin power*: Арсен Каноков – сильный, умный человек, он сумел кабардинскую элиту как-то консолидировать. Балкарцы сперва жаловались, что их выселили в Сибирь или в Казахстан, потом они жаловались, что их вернули не туда, куда им хотелось бы, потом они жаловались, что не столько постов им предоставлено, сколько хотелось бы. Сейчас они жалуются, что их раньше увольняют и позже принимают на работу. Много на что они жалуются – иногда обоснованно, иногда нет, но все-таки какие-то приличные кресла верхушка балкарского истэблшмента получает, а что там ниже – не знаю. По-моему, они больше жалу-

ются, чем у них есть для этого оснований, хотя некоторые основания, может быть, и есть, и недовольство, безусловно, существует. Но это не порождает такого большого раздора. Что же касается русских, то в Кабардино-Балкарии, продолжается, как и на всем Северном Кавказе, процесс постепенного выжимания русских и соответственно носителей русской струи или русских интересов в истэблিশменте. Они там есть, и при Арсене Канокоче это нормализовано. Отношения с исламом не те, которые были при Кокове, когда беременных правоверных мусульманок милиционеры били в живот сапогами, приговаривая «чтоб вахабита не родила». Сейчас уже этого нет. Ислам там всегда был достаточно поверхностный. Так что в Кабардино-Балкарии Каночев вполне справляется со своими задачами.

Дальше идет **Осетия**. Об Осетии особенно не говорю, это особенная ситуация, это и спор с Ингушетией – отстаивание захваченного осетинами Пригородного района, это и взаимоотношения с Южной Осетией, очень амбивалентные, очень сложные. Все-таки осетино-ингушский конфликт, память Беслана и пр. – это то, что консолидирует общество в целом. Особых осетинско-русских противоречий нет, скорее, противоречия есть между осетинами-иронцами и осетинами-кударцами, то есть мигрантами из Южной Осетии, которых в Северной Осетии очень много. В Южной Осетии не так много народу осталось, а что касается осетинского населения остальной Грузии – правобережья Куры в районе Гори, Панкисского ущелья, Кахети – они давно уже все в Северной Осетии, что не очень нравится северным осетинам. Впрочем, на истэблিশменте это не отражается.

Дальше идет **Ингушетия**. Зязиков оказался полностью неспособным выполнить госзаказ. Он запустил Ингушетию. Он неплохой человек, нормальный полицейский, но не руководитель. Он позволил развести кровную месть, допустил расстрелы несчастных русских учительниц, которых 3-4 на всю Ингушетию и было, и много всякого безобразия. С тех пор, как в Чечне боевикам стало неуютно, в Ингушетии для них был просто курорт. Новый глава Ингушетии, Юнус-бек Евкуров, не полицейский, а армейский офицер, толковый офицер, как все армейские офицеры-выходцы с Кавказа, это у них в крови. Пока большой опоры в республике у него нет, там огромный раздор, потому что там масса клановых группировок – все

они ингуши, там неингушей практически нет, но все они грызутся между собой, постоянно идет стрельба и резня. Евкуров их всех собирает и говорит прямо как кот Леопольд: «Ребята, давайте жить дружно». Ребята не очень хотят жить дружно, но все-таки как-то их уговаривает. 70 кланов из семейных группировок он уже помирил, они отказались от кровной мести, примирились, что-то выплатили друг другу, извинились, покаялись, но кланов 200 еще остается помирить. Если времени у него хватит, в конце концов он их в основном помирит. Так что «Ребята, давайте жить дружно» - призыв этот как-то все-таки проходит.

Дальше **Чечня**. Вот Чечня – это образец. Там Рамзан Кадыров действительно сумел превратить истэблишмент в монолит, наверху которого находится его собственный клан, а все остальные по струночке стоят. Кого не удалось приструнить, тех либо убили, как братьев Ямадаевых (кого в Петербурге, кого в Эмиратах, Байсарова пристрелили прямо под окнами моей дочери на Ленинском проспекте), либо выжили за пределы Чечни. Так что в Чечне все твердо, дотация от федерального центра получается большая, откат исправный, распил идет очень организованно и, что очень важно, опилок получается много и эти опилки - это стройматериал для новых домов, новых дорог, новых школ, новых больниц, это субсидии конкретным лицам и конкретным семьям. Никогда до Рамзана Кадырова этого не было, ничего до населения не доходило, опилки тоже поглощались в процессе распилок, а сейчас достаются людям.

Остался **Дагестан**, где еще не столь давно при Магомедали Магомедове был какой-то консенсус. Там истэблишмент – это конгломерат не только из истэблишмента аварского, даргинского, лакского, кумыкского, лезгинского, но из нескольких групп в пределах аварского истэблишмента, нескольких групп в пределах даргинского истэблишмента, где каждая группа – со своими интересами. Так что знамя банды и знамя этноса не всегда совпадают, они совпадают в рамках джамаата. Каждый может рассчитывать на поддержку своего джамаата, но джамаат где-то в горах, а бизнесмен сидит в Махачкале, где у него бензоколонки или табачные лавочки или иной бизнес, который приносит ему доход. Он держится в том числе и с помощью своего джамаата, который за него, если надо, заступится, может и побить кого-нибудь, дубинкой стукнуть. Очень много дубинок в ход идет, и не только дубинок – взрывчатка тоже

в ход идет. У каждого бизнесмена есть своя маленькая армия, или бригада, или рота, или хотя бы взвод, так и считается вот у этого столько штыков, у этого столько штыков. Гурия Мурклинская, замечательный журналист из Дагестана, это прекрасно сформулировала: «В сложных многонациональных субъектах – таких, как Дагестан – распределение бюджетных денег все больше сводится к выяснению отношений между криминально-политическими этнокланами»¹. Она пишет еще об исламских и псевдоисламских сегментах сетевых структур в Дагестане. Скажем, в исламские учреждения, мечети, учебные заведения в виде пожертвований или даже бюджетной помощи направляются большие финансовые потоки. Но лишь часть этих финансовых средств идет на развитие религии, большая же часть поступает на развитие скрытой части этих структур – как ваххабитских, так и мюридских. Имеются, в том числе, и структуры боевой подготовки и призыва на службу. Обосновывается наличие этих мини-армий угрозой ваххабизма, хотя в реальной борьбе с вооруженными экстремистами они не только не участвуют, но в большинстве своем этнолидеры и бизнесмены платят дань и даже оказывают через определенные экстремистские структуры помощь боевикам своей этнической принадлежности. Лишенные ярких лидеров и не имеющие единой мобилизационной идеи, этносы республики оказываются неспособными создать даже конструктивную оппозицию. Вместо этого на политическом поле действуют политические ряженые со сменными масками, то мюриды, то чуть-чуть ваххабиты, принадлежащие к одному этносу. Так называемая борьба с ваххабизмом и терроризмом выглядит как театр Петрушки, в котором надетые на руки одного актера куклы публично бьют друг друга. Разница лишь в том, что бьют настоящим оружием и кровь льется настоящая, причем большинство участников спектакля – рядовых сотрудников силовых структур и ваххабитов – даже не подозревают, в каком спектакле и в чьих интересах их используют. Вот со всем этим сложным хозяйством, если Магомедали Магомедов еще более или менее как-то справлялся, то Муху Алиев справиться не способен. Муху Алиев тоже говорит: «Ребята, давайте жить друж-

¹ *Мурклинская Гурия*. Этноклановая система управления как угроза национальной безопасности // Северный Кавказ, 19.04.2009, <http://www.sknews.ru/main/page,1,21079-ugroza-dagestanu.html>.

но!», только в отличие от Ингушетии, здесь, в Дагестане, его вообще никто не слушает, и все идет своим чередом. Поэтому ситуация в Дагестане наихудшая и продолжает ухудшаться на фоне всего Северного Кавказа.

Вот это те процессы, которые развивались в 2008 г. Ну и продолжают развиваться. 2008 г. выделялся еще и двумя моментами: произошла русско-грузинская «Пятидневная война» и начался мировой кризис. Большинство населения Северного Кавказа сочувствовало осетинской стороне в этой Пятидневной войне. Адыгейцы, кабардинцы, черкесы традиционно по этническому родству всегда сочувствовали абхазам и сочувствовали их национально-освободительной борьбе — в кавычках или без кавычек, кому как больше нравится — «против грузинской имперской власти». Лишь ингуши, которые видят в осетинах самых злых агрессоров на всем Кавказе, захватчиков и угнетателей, сочувствовали больше грузинской стороне. Вот здесь было различие. Что касается Чечни и Дагестана, то на них это мало отразилось, там особого внимания на это не обратили. Некоторые чеченские офицеры хорошо воевали в войне против Грузии в Осетии, например Ямадаев, Герой России. Его еще раньше этим званием наградили, а сейчас его наградили пулей, если только в его могиле не лежит какая-то кукла, а сам он где-нибудь не скрывается.

И, наконец, мировой кризис. Вообще, если сидишь на дне, то особенно падать некуда. Кризис только усилил, обострил, усложнил все и без того сложные процессы на Северном Кавказе в 2008 г., вот и все.